

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.062

В.М. ШУКШИН И М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН (ТИПОЛОГИЯ И ГЕНЕЗИС САТИРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ)

В. А. Редькин

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества*

В статье исследуется вопрос о преемственных связях между В.М. Шукшиным и М.Е. Салтыковым-Щедриным. Последовательно рассматриваются особенности проблематики и поэтики сатирических произведений двух писателей. Делается вывод о типологической близости сатиры Шукшина и Щедрина, обусловленной тем, что писатели отображали единую российскую действительность и единый русский национальный характер, хотя и в различных исторических вариантах. Кроме того, можно говорить и о непосредственном влиянии сатиры Щедрина на Шукшина. Это проявляется в теме, идее, образной системе. Произведения Шукшина отличаются лаконизмом и сжатостью, подлинным психологизмом и тонким лиризмом, им свойственна близкая Щедрину драматизация, повышенная роль диалога. Отмечается близость художественного языка сатиры этих двух писателей в целом: гиперболизм образов, гротесковость ситуаций, использование литературной и языковой пародии, эзопов язык, сарказм, ирония, юмор, комизм. Писателей объединяет общность мировоззрения, хотя и выражено оно по-разному. Подтверждается преемственность Шукшина по отношению к Щедрину.

Ключевые слова: *В. М. Шукшин, М. Е. Салтыков-Щедрин, сатира, традиция, типология, генезис, авторская позиция, пародия, эзопов язык, гротеск, гипербола, ирония, юмор, комизм.*

Как известно, М.Е. Салтыков-Щедрин возражал против мнения о том, что «История одного города» – это сатира на национальное прошлое русского народа. По его словам, «она направлена против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не совсем удобною» [5, т. 18, кн. 2, с. 82]. Соглашаясь с писателем, многие исследователи сосредоточили свое внимание на сатирическом воспроизведении Щедриным современности, «изображении животрепещущего настоящего» [8, с. 429]. Даже такой серьезный исследователь творчества писателя, как С. Макашин, подчеркивая, что Щедриным «предаются осмеянию и осуждению не какие-либо отдельные стороны русской жизни, а ее основы», заявляет, что «Глухов – это вся старая Россия» [Там же, с. 436]. Нет! Это Россия

© Редькин В. А., 2021

и старая и новая, и прошлая и будущая, потому что сатирик отобразил сущностные черты негативных сторон русского национального характера. Это еще один аспект осмысления творчества писателя.

Больше того, видимо, главное значение его сатиры – это ее проекция в будущее. Факты самой истории XX века говорят о том, что Салтыков-Щедрин обладал даром предвидения. С полным правом можно назвать «Историю одного города» романом-предупреждением. Поразительно похожи щедринские градоначальники на наших секретарей обкомов, мэров и губернаторов последнего столетия. Разве не является изображение правления Угрюм-Бурчеева и города Непреклонска явной антиутопией – картиной казарменного социализма, основанного на искусственно рожденных, далеких от реальной жизни народа идеях и социальной практики насилия, примером которого была нечаевщина? Многие сцены романов, повестей и сказок сатирика прямо предупреждают о страшных последствиях тоталитарного режима, который у нас сложился после революции. Не менее жестоко он бичует псевдодемократию, комедию с выборами и «правами человека», объяснение которых кончается «утверждением прав Бурбонов». У Салтыкова-Щедрина, по его собственным словам. «литературному исследованию подлежат не те только поступки, которые человек беспрепятственно совершает, но и те, которые он несомненно совершил бы, если б умел и смел». В 20–30-х, как и в 80-90-х годах, он сумел и посмел. «Но берегитесь! сегодня он действительно воздерживается, но завтра обстоятельства благоприятствуют ему, и он непременно совершит все, что когда-нибудь лелеяла тайная его мысль. И совершит с тем большей беспощадностью, чем больший гнет сдавливал это думанное и лелеянное» [6, т. 2, с. 210], – заканчивает автор свое размышление.

Таким образом, в отношении творчества М. Е. Щедрина и современной сатиры можно говорить о типологических связях и о преемственности. На первый взгляд, сейчас наступила эпоха расцвета щедринских традиций. В современной литературе налицо такие явления, как авангардизм, соцарт, постмодернизм, новая проза, несущие в себе разрушительные тенденции. В тотальное неприятие российской действительности переросла ироническая проза В. Аксенова, Саши Соколова, С. Довлатова. Так называемая «чернуха» в центре внимания «другой прозы» Л. Петрушевской, Т. Толстой, В. Ерофеева, В. Пьецуха и мн. др. Усилилось и собственно сатирическое крыло литературы: В. Войнович, Ф. Искандер, эстрадные сатирики М. Жванецкий, Гр. Горин, А. Арканов. Раздаются голоса, что они и есть главные наследники Салтыкова-Щедрина. В тематике, мотивах, поэтике каждого из них можно найти не мало общего с творчеством великого сатирика: парадоксальность и абсурдность образа, сказочность и фантастичность сюжетов, аллегории, связанные с миром животных, и т. д. Но, чтобы претендовать на развитие щедринских

традиций, по моему мнению, им не хватает двух важнейших параметров. Во-первых, реального идеала национальной жизни и духовности, во-вторых, структурно автор-повествователь чаще всего у них находится вне критикуемого ими национального мира. А Салтыков-Щедрин всегда ощущает себя внутри него. И если представители современной «новой прозы» утверждают абсурдность и уродливость не только социального, но и природного мира, то о чувстве любви православного человека ко всему окружающему лучше, чем сам писатель не скажешь: «...Отчего сердце у меня сладко саднит от полноты нахлынувшего вдруг веселья, отчего кровь приливает к горлу и я чувствую, что меня как будто поднимает, как будто уносит какую-то невидимую волною? «Христос воскрес!» – звучат колокола, вдруг загудевшие во всех углах города: «Христос воскрес!»...».

Поэтому, с моей точки зрения, Салтыкову-Щедрину типологически ближе другой круг авторов, немало сделавших для развития идеи национальной самокритики, но пишущих об этом с болью сердечной, возмущаясь, но сострадаая. Это Ф. Абрамов, В. Белов, В. Астафьев, П. Прокурин, В. Крупин и другие авторы национально-патриотического крыла нашей литературы. И одним из ярчайших представителей именно такой прозы гоголевского направления, защищающей и поэтизирующей национальную самобытность, подчас, через самую жесткую самокритику, и оказывается В. Шукшин.

Типологическая близость этих разделенных целым столетием писателей в том, что они создавали свои произведения на основе единой, хотя и разведенной во времени, российской действительности. Произошли революции, сменились системы, прогремели войны, но суть национального характера не изменилась. Отсюда те же проблемы, те же страстные чувства патриотизма и горечи за свой народ, за свою страну. Долгое время творчество Щедрина представлялось как антисамодержавное, социалистическое и чуть ли не западноевропейское. На самом деле он имел собственную позицию. Надо особо оговорить, что взгляды Салтыкова-Щедрина и Шукшина далеко не во всем совпадали со взглядами лагеря, к которому их автоматически причисляли. Они мыслили самостоятельно. Это видно по их произведениям. Но есть и прямые высказывания. Салтыков-Щедрин прямо признавался, что его позиция и взгляды «Современника» не идентичны: «Представьте себе, в самом деле, человека, который имеет убеждения – хи-хи! представьте себе человека, который, обладая известными убеждениями, считает, однако ж, полезным и своевременным... подчинить их убеждениям идущих с ним рука об руку в общем умственном труде – ха-ха! представьте себе, наконец, этого самого человека, который, несмотря на необходимости уступки, все-таки тяготеет к ней» [5, т. 4, с. 509]. Уместно здесь вспомнить известные слова

С. Герасимова о В. Шукшине: «Он определился как человек самобытный, независимый, заинтересованно включенный в жизненные проблемы» [3, с. 15]. Это вполне реалистическая, не изоляционистская, национально сориентированная позиция. В ней нет какой-либо односторонности.

Следует заметить, что произведения писателей, мыслящих самостоятельно, критики довольно часто воспринимают негативно. Так, Суворин считал летопись Глупова «уродливейшей карикатурой» на российскую действительность, «глумлением» над русским народом, а Л. Аннинский назвал «Энергичных людей» В. Шукшина «плоско-фельетонным произведением» [1, с. 652].

Сближает русскую «деревенскую прозу» с прозой М. Е. Салтыкова-Щедрина прежде всего то, что они шли в своем творчестве от жизни, ничего не принимая на веру, ни «достижений» сложившейся системы, ни мудрости и богатырства народа, ни навязанного сверху от властей или их противников понятия о счастье. Это и не нравилось в произведениях В. Белова, Ф. Абрамова, В. Астафьева и В. Шукшина как партийно-номенклатурным критикам, так и критикам прозападной ориентации.

Без пиетета к народу и к властям создавал свои произведения Щедрин. Но важно, что он сам ощущал свою принадлежность и к тому и к другому, его критикой охвачены все слои русского общества. Типологически близкие великому сатирику писатели всю мощь обличения направили против самоубийственной национальной пассивности. Не освобождают они, как и Щедрин, от суровой критики мужика, крестьянство – «святыню святынь старой русской демократии», то есть они выступают против мифологизации самого понятия «народ». Смысл их творчества не в том, что они «против консервативных и реакционных элементов». Нет, дело совсем не в этом. Они, вслед за Щедриным, выявляют и подчеркивают сущностные черты бытия, представляя слабости национального характера как продолжение его достоинств. В свое время (дискуссии 1957, 1962, 1967 гг.) в нашей критике ставился вопрос о том, может ли национальный характер быть отрицательным. И медвежью услугу русскому патриотизму сделали те критики, которые выводили Грацианского из «Русского леса» Л. Леонова за рамки национального мира. Сам М. Е. Салтыков-Щедрин указывал на опасность для России распространения космополитизма, обрубания собственных корней. Иваны не помнящие родства, глуповцы, которых не может ничему научить собственная история, – предмет особенно едкого осмеяния писателя. Он отстаивал право русской литературы изображать темные стороны народной жизни без их «разжижения положительным». Общее в сатире Щедрина и Шукшина в том, что за их гротесковыми образами явно ощущается глубоко народный нравственно-эстетический идеал, основу которого составляют не столько социальные, сколько национальные приоритеты. Думается даже, что незыблемость строя для них,

по выражению Щедрина – не «идоложертвенный светильник». От писателей настойчиво требовали руководствоваться революционным, социалистическим или коммунистическим идеалом, а они стремились выразить то, о чем мечтает простой крестьянин. Для В. Шукшина «самая дорогая и любимая» часть крестьянства осталась в деревне: «Трудно. Да. Но не может он оторвать от сердца то, к чему смолоду привык, что полюбил смолоду, без чего – и жизнь, в общем-то, не та, и чужбина не манит. Обо всем этом рассказы» [7, с. 53]. Начиная с «Губернских очерков», сочувствие русскому крестьянину-страдальцу выражает Салтыков-Щедрин.

Можно говорить и о непосредственном влиянии сатиры Щедрина на Шукшина. Это проявляется в теме, идее, образной системе. Произведения В.Шукшина отличают лаконизм и сжатость, подлинный психологизм и тонкий лиризм, им свойственна близкая Щедрину драматизация, повышенная роль диалога. У того и другого встречаются сказовые формы.

В.Шукшин обращается к сатире в расцвете творческих сил. Самые известные его сатирические произведения – это повесть для театра «Энергичные люди», повесть сказка «Точка зрения», сказка «До третьих петухов», незавершенная повесть «А поутру они проснулись...», ряд рассказов. Явно восходит к щедринским персонажам, схоластам, доктринерам и демагогам Князев из рассказа «Штрихи к портрету», который любит учить, указывать «путь к спасению» и выражает нетерпимость к чужому мнению, верит в собственную непогрешимость. Подобные тенденции замкнутости, недружелюбия, презрения к простому человеку, нередко встречающиеся в реальной жизни, представляются писателем как опасные и агрессивные стороны характера утописта-демагога в рассказах «Психопат», «Срезал», «Беседы при ясной луне...» и др. Критика отмечала, что сатира Шукшина направлена против потребительского и бездумного отношения к жизни, закоренелого мошенничества, расхитителей народного достояния, нравственного уродства и духовной пустоты мещанства и обывательщины.

Так или иначе проблемы традиций в сатирическом творчестве Шукшина касались Н. Толченова, В. Коробов, И. Дедков, Л. Михайлова, О. Лойко, А. Панков, Ю. Селезнев и др. Л. Ершов считал его произведения «новым этапом в развитии советской сатиры», утверждал их новаторский характер и философское звучание. В. Апухтина обратила внимание на близость сатиры В. Шукшина М. Горькому, В. Карпова – В. Маяковского. Л. Ершов, Н. Биличенко, И. Стрелкова прямо указывали на традиции Щедрина. В данном случае обратимся к проблеме типологической общности сатиры Щедрина и Шукшина.

Иван-дурак из сказки Шукшина «До третьих петухов» несет в себе ряд привлекательных черт: честность, доброту, стремление к справедливости.

вности, совесть, осуждение накопительства и стяжательства. Он намного выше грязного мира пошлости и лицемерия, который его окружает. Коробов справедливо считает, что в этом образе Шукшин воплощает национальный русский характер. Близок Ивану Илья Муромец, Атаман, Медведь из того же произведения, Простой человек из «Энергичных людей», очкарик Гришаков с комплексом вины и совести, парень «крестьянского облика», мрачный крановщик из повести «А поутру они проснулись...». Это представители народа. Они чужды психологии стяжателей, карьеристов и жуликов. Иван осознает свои просчеты и унижения. Он готов действовать. Простой человек, хоть и «продался за коньяк», тоже дает трезвую оценку Аристарха и его компании, сравнивая их с памятниками на кладбище. Однако их простодушие, доверчивость, чрезмерная покладистость и терпеливость, неспособность стоять за правду до конца подается автором в трагикомическом аспекте. Такое видение писателем своих героев, несомненно, восходит к изображению Щедриным пошехонцев, ташкентцев и глуповцев. Их искренностью, сердечностью и простодушием легко воспользоваться и обратить во зло. «Ну и восчувствуешь, и растопится в тебе сердце, мягче воску делается», – передает Щедрин внутреннее состояние богомольца Пименова в «Губернских очерках» как черту национального характера. И не этой ли чувствительностью русского стражника воспользовались черти в сказке Шукшина, чтобы растрогать его задушевной песней и проникнуть в монастырь. Писатели глубоко любят родной народ, но вместе с тем ненавидят его недостатки. Ведь именно на почве попустительства инертности и равнодушия, бесконечных компромиссов, терпимости ко злу «простых людей» и возможно процветание на нашей земле мошенничества, подлости и предательства.

В центре произведений Шукшина, как и у великого предшественника, чаще всего мнимый конфликт. Вера Сергеевна и Аристархов, Оптимист и Пессимист, Мудрец и Несмеяна – это две стороны одной медали, как две стороны одной медали пассивность глуповцев и административное рвение градоначальников у Щедрина. Авторы вводят массу псевдоконфликтов в волчьей стае. Истинный конфликт просматривается с введением текста в контекст жизни, в учете позиции самого автора и читателя. Пессимист и Оптимист в «Точке зрения» защищают не жизненную правду, а какие-то чудовищные алогизмы. Справка, которую пытается Иван добыть с таким трудом, никому не нужна. Не нужна и печать, которую он заполучил.

В сатирической форме Шукшин, вслед за Щедриным, ставит острейшие социальные, нравственно-психологические, политические и даже философские вопросы. В «Энергичных людях», например, Ершов видит постановку вечной темы: обкрадывая других, человек обкрадывает себя. Автору ненавистна активность «передовых современников». Алик

и Эдик не способны понимать и разумно объяснять жизнь. Они видят в ней лишь «страшные мерзости» или «сплошное устремление вперед». По большому счету – это щедринские образы. В сцене сватовства через призму видения Пессимиста в глаза бросается глупость, зависть, жадность, пошлость. С точки зрения Оптимиста все выглядит в пародийном ключе. Мишенью сатирика становится здесь краснобайство, ложь, идиллическая мечтательность, спесь, тщеславие, восторженная слезливость, то есть все, над чем издевался Щедрин. Оба писателя ставят проблемы отношения искусства к действительности. Обстоятельства допроса Пессимиста и Оптимиста показывают их оторванность от жизни, их явную ненормальность и бездумность. Автор бичует системы мысли, автоматизм мышления. Для сатирических произведений Шукшина характерно сочетание комического и трагического пафоса. Писатель воспринимает отрицательные явления действительности тяжело, до боли сердечной. В смехе явно ощутимы нотки грусти и даже скорби.

В. Шукшин, как и М. Щедрин, использует прием неожиданного, непредсказуемого, условно-фантастического поворота сюжета, с помощью которого с героя срываются все внешние покровы, и мы видим его в новом, истинном свете. Таково появление Сони в квартире Аристарха, приход Соседа, который «дал пинка» Волшебному человеку и его спутникам в «Точке зрения», появление Змея Горыныча перед спеленатым Иваном и т. д. Кстати, это реализация щедринского образа из «Губернских очерков»: русского народа – «туго спеленатого младенца-великана». Необычную роль в произведениях Шукшина приобретает категория духовно-нравственной недоразвитости – особое понятие глупости. Это проявляется в создании своеобразных обстоятельств «глупого положения». В дурацкой ситуации по их собственной вине после неудачного покушения на Веру Сергеевну оказываются все «энергичные люди», Аристарх, когда обнаружена компрометирующая его записка, Волшебный человек, Оптимист и Пессимист, когда их выставляет за дверь Сосед, Невеста, когда от нее отказывается Жених, Мудрец с его «нежданчиком» в компании Алки Несмеяны и много раз так называемые положительные герои: Иван Дурак, Простой человек, совестливый очкарик, проснувшийся в вытрезвителе и т. д.

В. Шукшин широко использует щедринский опыт освоения богатейших возможностей фольклора в сатирическом произведении. Это относится к жанру, сюжету, мотиву, языку. Фольклорные образы помогают писателям воссоздать национальный колорит. Они не принимают как бездумную «национальную гордость», так и оголтелое западничество. Сатирическими красками рисуется В. Шукшиным «иностранный быт» Аристарха и его поделщиков, мечта о коттеджике Бабы Яги, пение чертями русских песен на иностранный манер. Условно-сказочное время

и пространство, создаваемое с зачина: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...» (Точка зрения) «Жили-были на свете...» (Энергичные люди), «Как-то в одной библиотеке...» («До третьих петухов»), позволяет автору сразу перевести повествование из мира явлений в мир сущностей. Это, по словам М. Е. Салтыкова-Щедрина, «не преувеличение и не искажение действительности, а только разоблачение той *другой* действительности, которая любит прятаться за обыденным фактом и доступна лишь очень и очень пристальному наблюдению» [6, т. 2, с. 209]. Особенно значим для писателей мотив пути, восходящий к волшебной сказке. Странничество Щедриным воспринимается «как мечта народа о правде, справедливости, свободе». В этом смысл путешествия и шукшинского Ивана. Вслед за Щедриным Шукшин широко использует мифологемы, персонифицирующие зло: Змея Горыныча, Бабы Яги, Изящного черта и т.д. При этом происходит модернизация традиционных сказочных героев. Особенно характерны для этих писателей персонификация абстрактных нравственных категорий: Добродетелей и Пороков, Страха, Совести и т.д. Именно в духе Щедрина, по воспоминаниям Г. Буркова, должна была закончиться повесть «А по утру они проснулись...» – появлением в зале суда Совести.

Следует отметить близость художественного языка сатиры этих двух писателей в целом: гиперболизм образов, гротесковость ситуаций, использование литературной и языковой пародии, эзопов язык, снижение образов, сарказм, ирония, юмор, комизм и т.д. Достаточно вспомнить присущие сатире Шукшина снижающие детали портрета: «некто маленький, беленький» – Мудрец, «Страшная с усами» – дочь Бабы Яги, «жирная рука» – Брюхатый и т.д. Юмор чаще всего основан на сдвигах во времени и пространстве. Так, сказочный Иван сравнивается с современным слесарем: «Тут наш Иван пошел тянуть резину и торговаться, как делают нынешние слесари-сантехники» [11, с. 22]. Нередко используются лексико-стилистические нарушения границ сочетаемости слов: «Снял слог с левой ноги и произвел удар по телевизору» и другие родственные приемы.

Нельзя недооценивать в произведениях В. Шукшина значение всякого рода утрировки, гиперболы, гротеска. Игра современных дельцов в перелетных птиц, серия их саморазоблачений, претенциозные резолюции Мудреца об аналогии извержения вулкана с родами и о том, что «кот Тимофей не утерпел», достойны кисти великого сатирика XIX века. Оптимист и Пессимист стремятся отстоять свои убеждения звероподобным образом: с рычанием и кулаками. Оптимист песней уводит медведя от палатки, где находятся друзья: «Я иду по тайге и пою. Потом я ползу и пою. Потом я перестаю ползти и петь. Медведь подходит ко мне, и я вижу в его звериных глазах восторг и удивление», – так утверждает он,

что в нашей жизни нет и не может быть трудностей. Подобные рассуждения напоминают по тону восприятие начальством прожектов казарменного коммунизма Угрюм-Бурчеева: «Эти поселенные единицы, эти взводы, роты, полки – все это, взятое вместе, не намекает ли на какую-то лучезарную даль, которая покамест еще задержана туманом...» [6, т. 2, с. 453].

В литературоведческих работах не раз подчеркивалось, что Салтыков-Щедрин искусно вкладывает свои мысли в уста не только положительных, но и отрицательных персонажей. То же мы встретим у Шукшина. Патетически звучит речь Простого человека о том, что он любит «простую русскую избу», а не городское жилье «с вашими холодильниками, с вашими лифтами». На что словами Чернявого автор вразумляет романтического неославянофила: «А коньячок-то любишь похолоднее». Одна фраза героя, подчас, выражает суть времени, суть системы: «– Да что же ты, не знаешь что ли? Тех и кормят, кто на задних лапах умеет. Любая собака знает» [11, с. 78], – говорит Иван Медведю.

Как и М.Е. Салтыков-Щедрин, Шукшин широко пародирует различные языковые пласты и молодежный жаргон, прибегая к своеобразному лексическому сгущению: «Я думаю, это пшено. Он же козел... Пойдем лучше потопчемся... Я знаю, что он баран, но у него “Грюндик”...»

Критики утверждают, что сатира Шукшина социально оптимистична. «Как и положено сказочному герою, шукшинский Иван побеждает всех своих врагов» [4, с. 129], – заявляет, например, Л. Емельянов. Но так ли это? Ведь Змей Горыныч, Мудрец, черти остались хозяевами положения. Слишком далеко все зашло в разложении общества, чтобы быть спокойным и надеяться на то, что Иван-дурак начал задумываться. Слишком серьезны рассуждения о плановости жульничества, чтобы их сняло появление милиции. Не случайно мнения критиков о финале «Энергичных людей» разделились. Л. Ершов конец этой повести считал досадным просчетом. Другие воспринимали итоговую сцену как свидетельство веры автора в здоровые силы социальной системы. Понять глубинную мысль Шукшина можно через призму щедринской сатиры. В действительности сама финальная сцена становится предметом осмеяния. Это штамп в русской литературе, который вопреки реальной очевидности продолжает использоваться. Оптимизм Шукшина, как и Щедрина, скорее не конкретно-социальный, а духовно-нравственный. Никакие Угрюм-Бурчевы, Хищники, Змеи Горынычи, Мудрецы – «улавливатели вселенной» не смогут справиться с рекой жизни, а Мужик Иван при всех условиях останется кормильцем, поильцем и защитником родной Земли. Основная художественная концепция Щедрина «требует от читателя эстетических усилий и позволяет приоткрыть нравственно-философские оттенки смысла произведения, не ограничиваясь социально-обличитель-

ными» [9, с. 165]. Такова же концепция Шукшина, здесь он типологически и генетически связан со Щедриным.

Слово самого повествователя в произведениях обоих сатириков далеко не бесстрастно. В нем явно проявляется отношение ко всему происходящему: компания Несмеяны – «здоровенные бычки и телки», Мудрец – «старый греховодник», Вера Сергеевна «заблажила», Брюхатый «интеллигентно скосоротился». В повествование врывается подчас мощная струя лиризма. В этом случае появляется вполне серьезный тон. С самым задушевным чувством автор, например, говорит о звучании русской песни: «Ах! как они пели!... А песня лилась, рвала душу!» С. Борщевский, отмечая «могучий лиризм» М. Е. Салтыкова-Щедрина, видит его источник «в глубокой, не остывающей, хотя и не безотчетной, любви к народным массам, горьком чувстве вины за свое бессилие изменить жестокую и постыдную действительность и страстном стремлении живым, выстрадавшим словом тронуть сердца...» [2, с. 92]. Такими были и чувства Шукшина. Как и Щедрин, он был подлинным провидцем и предупреждал в своих сатирических произведениях об опасностях и бедах, надвигающихся на нашу Родину, понимал, что «невозможно изменить социальное устройство человеческой жизни, не изменив нравственной природы человека» [9, с. 174]. Сатиру Шукшина и Щедрина можно поставить в один ряд и с сатирой Чехова, выполнявшей функции «духовного лечебника», использование которого способствовало «созданию стихии смеха... и философскому осмыслению жизни автором и героями» [10, с. 71].

Список литературы

1. Аннинский Л. Путь Василия Шукшина // Шукшин В. До третьих петухов. М.: Известия, 1976. С. 638–666.
2. Борщевский С. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. М.: Худож. лит., 1956. 392 с.
3. Василий Шукшин. Союз кинематографистов СССР. М.: Бюро пропаганды советского киноискусства, 1976. 24 с.
4. Емельянов Л. Василий Шукшин. Очерк творчества. Л.: Худож. лит., 1983. 152 с.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1988.
7. Карпова В. Талантливая жизнь: В. Шукшин – прозаик. М.: Сов. писатель, 1986. 300 с.
8. Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1960-е–1870-е годы. М.: Худож. лит., 1984. 575 с.
9. Николаева С. Ю. О литературном генезисе «Сказочной трилогии» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Тенденции развития современной отечественной филологии: Материалы научно-практической конференции. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2019. С. 164–175.

10. Николаева С. Ю. Сатирический рецепт и «врачество духовное» в творчестве А. П. Чехова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 1 (64). С. 61–72.
11. Шукшин В. До третьих петухов. М.: Русская книга, 1992. 96 с.

V. M. SHUKSHIN AND M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN (TYPOLOGY AND GENESIS OF THE SATIRICAL TRADITION)

V. A. Redkin

Tver State University

Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article examines the question of the succession relations between V. M. Shukshin and M. E. Saltykov-Shchedrin. The features of the problematics and poetics of the satirical works by the two writers are consistently considered. The conclusion is made about the typological proximity of the satire of Shukshin and Shchedrin due to the fact that the writers reflected a single Russian reality and a single Russian national character, although in different historical versions. In addition, we can also talk about the direct influence of Shchedrin's satire on Shukshin. It manifests itself in the theme, idea, and image system. Shukshin's works are distinguished by laconism and conciseness, genuine psychologism and subtle lyricism; they are characterized by dramatization close to Shchedrin's, an increased role of a dialogue. The author notes the similarity of the artistic language of the satire of these two writers on the whole: hyperbolism of images, grotesque situations, the use of literary and linguistic parody, Aesopian language, sarcasm, irony, humor, and comedy. The writers are united by a common worldview, although it is expressed in different ways. The succession of Shukshin in relation to Shchedrin is confirmed.

Keywords: *V. M. Shukshin, M. E. Saltykov-Shchedrin, satire, traditions, typology, genesis, author's viewpoint, parody, Aesopian language, grotesque, hyperbole, irony, humor, comedy.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.